

● Писатель и время

Валентин Распутин: *Труд, — 1987 — 14 июня*

«Будет сердце, будет и разум»

Наши специальные корреспонденты встретились с известным советским писателем Героем Социалистического Труда Валентином Григорьевичем РАСПУТИНЫМ. Ниже публикуются его ответы на вопросы корреспондентов.

— В требовательном свете перестройки мы оцениваем достигнутое в экономике и культуре. Какие нравственные ценности требуют, на ваш взгляд, особой заботы, сбережения, предохранения от девальвации?

— Надо, по-моему, беречь прежде всего те ценности, которые составляют основу нашей нравственности, коллективистской, трудовой, подлинно народной. У нас, думается, девальвировались у многих понятия о совести, чести, долге, ответственности перед обществом, коллективом, семьей, перед самим собой, наконец... Нужно, конечно, и особенно сейчас, чтобы все стало на свои места. Взять, к примеру, понятие о трудовой чести. Каждая профессия имеет свою, можно сказать, гордость. Интеллигент, военный, рабочий, человек любой специальности трудом должен беречь доброе имя своей профессии. А за многие годы это постепенно как-то разносилось, размывалось...

Мне кажется, что нравственность должна покоиться на народных основах, традициях, истории. Память тоже входит в понятие нравственности. И все это требует бережного отношения, охраны. Многие вроде бы и охраняется. Но законодательно недостаточно еще закреплено. Недостает рычагов, помогающих воплощать закон. Да и редко еще обращаемся мы к этому законодательству. По привычке — все равно, мол, ничего не добьешься, не достигнуть. Пусть начальство решает, наша хата с краю. Эти позиции, к сожалению, пока еще сильны...

— Мы далеки от того, чтобы не видеть за беспроблемными достижениями нашими и серьезными упущениями, трудностей, ошибок. Важнейшая задача сейчас — перестройка. Какие грани этого очень сложного дела вам ближе всего? Что бы вы могли сказать о месте и роли писателя в нынешних процессах общественного обновления?

— Что важнее всего, с моей точки зрения, в перестройке? Наверное, то, о чем мы больше всего говорим: гласность и демократия. Но гласность гласностью. Сейчас вместе с гласностью появляется много пены. Все это прекрасно понимают. Значит, нужно уточнить и само понятие гласности. Гласность — это необходимость и возможность каждого человека высказывать свое мнение по наиболее важным общественно значимым вопросам. Не по личным, не по групповым. А прежде всего по государственным вопросам. Мне кажется, что с общественным мнением все еще не всегда считаются. Взять пример с Поклонной горой. В условиях гласности проводился конкурс на лучший проект памятника. И ведь был проект, который собрал значительную часть голосов. Однако с этим не посчитались. Не объяс-

нив даже почему, отказались от популярного проекта. Возможно, были какие-то резоны. Но объясните людям, которые считали, что именно данный проект достоин быть воплощенным на Поклонной горе...

Сейчас особенно важна, наверное, перестройка не сверху, а снизу. Чтобы перестройку сверху активнее поддерживал народ. А для этого нужна перестройка каждого из нас. Мы же идем для себя оправдания. Пусть перестраиваются все, только не наш коллектив. Пусть перестраиваются все вокруг, только не я.

Очень важно, чтобы перестройка не заглухла, не показалась игрой, временным явлением. Мне кажется, что в связи с этим надо высказать и свое отношение к тем процессам и явлениям, которые у нас происходили в 30-х годах.

Нужна прямота, полнота и правда. Что происходило с нашим обществом в 30-е годы? Что происходило с нашими колхозами, крестьянством нашим, рабочим классом? Не замалчивая ничего. Немало было обретений. Многие были вызваны необходимостью. Много происходило такого, чего нельзя было позволять ни при каких обстоятельствах. Сейчас часть людей смотрит на перестройку с осторожностью. И на законы, которые принимаются, — тоже. Например, на Закон об индивидуальной трудовой деятельности. Дескать, посмотрим, что будет. Более глубокая оценка прошлого поможет сломать эти сомнения.

Теперь о роли писателя в процессах общественного обновления. Может быть, я чересчур преувеличиваю роль писателя, но она весьма велика. Нынешнюю перестройку нужно было подготовить. Она же не могла появиться на голом месте. Были все-таки предпосылки. И эти предпосылки, мне кажется, не в малой степени готовило искусство, литература. Может быть, больше всего писатели. Они много выступали о, как мы сейчас говорим, негативных явлениях в обществе, недостатках, застойных явлениях. Труднее было говорить, чем сейчас. Но литературе удавалось все-таки об этом говорить. С помощью художественного, публицистического слова. Сегодня же литература призвана делать особый упор на то, чтобы перестройка была совершена быстрее, чтобы было меньше помех на ее пути. Перестройка не может проходить гладко. Мы видим, что у нее есть и противники. И ошибки будут. И нам, писателям, надо быть предельно правдивыми, глубоко понимающими происходящие процессы.

— Вы не раз подчеркивали в своих выступлениях, что дело литературы — человек, его душевный мир, что надо возвысить такие понятия, как доброта, милосердие, сострадание. Не слишком ли категорично вы

«поднимаете» в своих высказываниях сердце над разумом?

— Нет, не слишком! Будет сердце, будет и разум. И в то же время далеко не всегда наличие разума гарантирует и существование сердца. Мы все знаем, что делать. У всех у нас образование, если не высшее, то среднее. Да теперь человек даже и с незаконченным средним все понимает. Телевидение, радио, газеты предоставили нам возможность лучше разбираться не только в политических и общественных вопросах, но и в социальных проблемах. Но добрее от этого не всегда становимся. А дело литературы как раз помогать человеку стать добрее. К сожалению, литераторам нередко приходится заниматься не столько посторонними делами. Публицистика все-таки, как бы ни говоришь, работает не на душу, а на правильную ориентацию. А вот на доброту... Наверное, только каким-то краем мы стали задевать такие понятия, как сердце и душа. Статьи мои о Байкале, думается, не столько действуют на душу, сколько на гражданское чувство. Ну хорошо, когда человек станет гражданином, потом, наверное, легче ему все-таки находить в себе сострадание, доброту, милосердие... И дело литературы — прежде всего обращаться к этим понятиям.

— Как вы думаете, собрали бы деньги для Марии во многих нынешних деревнях?

— Деньги бы собрали. Но это само по себе еще не значит, что мы стали добрее. Собрали бы и потому, что народ стал богаче. Не только в лесных поселках, но и в сельскохозяйственных тоже. Бедных деревень у нас почти не осталось. Что говорить, действительно стали побогаче жить. Это хорошо. А в 60-х годах, когда писалась повесть, тысяча рублей — деньги! Немалые деньги. А сейчас уже смешно. И я сам, когда смотрю спектакль «Деньги для Марии», чувствую, что сама цифра воспринимается, как нечто условное, больше как символ. Но с таким ощущением, что от себя бы оторвал. Конечно, нельзя говорить, что мы все стали бесцеремоннее. Нет, разумеется. Но мы стали черствее, и это заметно.

— Для героев иных книг стало чуть ли не модным посыпать голову пеплом, каяться в своих бесчисленных недостатках. Может, не стоит ударяться в эту крайность? Есть же все-таки и подлинно замечательные люди, герои нашего времени!

— Это совершенно правильно. Мы из крайности бросаемся в крайность. И это, очевидно, наша русская черта. То у нас все хорошо при всех недостатках, которые были. Сейчас, слушаешь иных, все у нас плохо при всех достоинствах, которые имеются. Тут уж надо

отбирать зерно истины. Надо искренне говорить, что есть хорошего и что плохого. В том числе и среди людей.

— Тема труда звучит пока в литературе обидно. Воспеваются многие. Но ведь умение трудиться на совесть всегда считалось лучшим качеством человека. В чем тут дело, по-вашему?

— Это вопрос о «производственной» литературе, который для меня был всегда болезненным. Нельзя делить литературу на деревенскую, производственную, городскую, исповедальную и т. д. Нельзя, чтобы отдавалось предпочтение одной искусственно выделенной литературе перед другой. Это не значит, разумеется, что не должно быть романов о труде. Они должны быть. Они всегда были. Они были и в прошлом веке. Только не назывались «производственными романами». У нас непременно нужен «производственный роман». И литературе ставится в вину, если нет такого романа, если нет шефства над стройками.

Я, кстати, не понимаю, зачем нужно шефство литературы над стройками. Библиотеки собирать? Так этим есть кому заниматься по должности. Почему журнал «Дружба народов» должен шефствовать над Нуреком, а журнал «Нева» над Саяно-Шушенской ГЭС? Почему иркутская писательская организация должна шефствовать над Усть-Илимском? В этом опять-таки кампанейщина. Мы привыкли к кампаниям и никак не можем от них отказаться. Писатель должен по долгу сердца своего ехать на Саяно-Шушенскую ГЭС и писать о том, что там происходит. И помогать тем самым строителям. Потом, у нас немало писателей, которые вышли из рабочего класса, которых не надо заставлять ехать и агитировать на это. Они сами пойдут и поедут.

А о труде писать надо. Но мы как-то смотрим на «производственный роман» как на руководство, которое может повысить профессиональный уровень человека. Почти так. Прежде всего любая литература должна воздействовать на душу человека. А человек с доброй душой уже не позволит себе работать плохо. Он будет работать лучше не благодаря «производственному роману», а благодаря хорошему роману.

— В полной мере прирастает могущество нашей Родины Сибирь! Что тут, на ваш взгляд, недоделывается, упускается?

— Прирастает не просто в «полной», а чересчур в «полной» мере, зачастую просто не по-хозяйски обрабатывается, обдирается Сибирь. Это видно по многим примерам. По новым городам и стройкам, от которых требуют прежде всего нефть, уголь, лес, киловатты. И меньше всего, в последнюю очередь обращается внимание на человека, жилье, социальную быт. Все это у нас делается по принципу остаточного планирования и финансирования. Как было лет десять назад, так до сих пор на практике нередко остается. Потому что за это никто еще по-настоящему не спрашивает, а спрашивает прежде всего за сырье. Из Сибири оно и выкачивается. Вот вывозится лес, но его ведь можно обрабатывать и здесь. Так же перекачивается нефть, да и многое другое. А как варварски выбирается лес! Особенно самозаготовителями у нас в Иркутской области. Не могу спокойно говорить об этом. Сырьевыми запасами Сибирь обладает

немалыми, но и выбираются они не по-хозяйски. Что будет через несколько лет?..

— Ваше имя по праву связывается с судьбой Байкала. Ваша оценка последних событий!

— Часто получаю письма и даже телеграммы. Текст их сводится к одному: «Поздравляем победой». Увы! Нет пока победы. По крайней мере такой, какой она должна быть. Принято постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о мерах по обеспечению охраны и рационального использования природных ресурсов бассейна озера Байкал в 1987—1995 годах. Да, Байкал вздохнет свободнее, если будут выполняться все пункты этого постановления. Намного свободнее вздохнет. Но уже сейчас думается, ясно, что со временем потребуются дополнительные решения, потому что по главному вопросу — переориентации Байкальского целлюлозно-бумажного комбината — принимаются половинчатые меры, и дело может, на мой взгляд, отодвинуться надолго. Уже сегодня ясно, что проект с так называемой отводной трубой для переброски сточных вод принимается для того, чтобы потом не выполнять в срок постановления о перепрофилировании. Ну какой же хозяин будет выбрасывать многие десятки миллионов рублей на временную меру? Ясно, что это временное делается, по-моему, для того, чтобы остаться в числе постоянных. А сейчас в связи с тем, что мощности Приозерского целлюлозного завода на Ладоге переводятся в Братск, там уже планируется дополнительный варочный цех для производства 200 тысяч тонн целлюлозы. Строительство нового комбината в Усть-Илимске взамен байкальского неминуемо отодвинется. Кроме того, Ангара вместе с искусственными Братским и Усть-Илимским морями уже сейчас находится в тяжелом экологическом положении, а со сбросом промстоков с БЦБК оно станет критическим.

Словом, за победу еще надо бороться.

— Многие читатели считают «Пожар» одной из первых в нашей литературе книг, впрямую утверждающих остроту необходимости обновления, перестройки в самих основах человеческих, нравственных отношений. А что за «Пожаром»?

— Ныне собираюсь закончить книгу о Сибири. В нее войдут очерки об исторических городах — Тобольске, Томске, Иркутске, Кяхте и о таких жемчужинах природы, как Байкал и Горный Алтай, которым, к сожалению, грозит опасность. Меня поразила своей красотой и историей северная Якутия в низовьях Индигирки и Колымы. Даже я, сибиряк, начав вплотную работу над этой книгой, растерялся перед богатством материалов по освоению, изучению и заселению этого края, удивился тому, насколько Сибирь разнообразна во всех своих проявлениях, и утвердился во мнении, что ее прошлое не было столь диким, как обычно принято считать.

О второй книге, которой я займусь. Мне хотелось бы рассказать об истории с Байкалом с самого начала, с 50-х годов. Эта непридуманная история по-настоящему и накали страстей может походить на детектив. А иметь она должна, разумеется, поучительный смысл...

Интервью вели
Г. ВОЛОВИЧ,
Ю. МАЙОРОВ.

ИРКУТСК.

